

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Генрих Де-Манъ, какъ теоретикъ соціализма

Среди сочиненій по социализму, вышедшихъ за последнее время; на долю работъ Де-Мана выпалъ особенный успѣхъ и при томъ далеко за предѣлами однихъ только социалистическихъ круговъ*). Успѣхъ этотъ объясняется не только оригинальностью точки зрѣнія Де-Мана и выдающимися качествами его какъ писателя, но бесспорно также и личностью автора, получившей в сочиненіяхъ его яркое и характерное выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, среди вождей рабочаго движенія немного найдется сейчасъ людей съ такимъ многообразнымъ и богатымъ опытомъ какъ Де-Манъ: уже въ самой ранней юности «перебѣжавшій» въ ряды рабочаго класса, Де-Манъ работаетъ одно время какъ простой рабочій на заводѣ, вы-

полняетъ затѣмъ разнообразныя должности въ «профессиональномъ движеніи» и въ бельгійской социалистической партіи, работаетъ какъ депутатъ парламента, какъ членъ центрального комитета партіи, какъ руководитель всѣми образовательными учрежденіями бельгійскаго рабочаго движенія. При этомъ опытъ его отнюдь не ограничивается предѣлами одной только Бельгіи: германское рабочее движеніе давно стало уже какъ бы второй его родиной, многочисленныя связи съ Франціей и Голландіей, неоднократныя поѣздки въ Англію, долгое-временное пребываніе въ Сѣв. Америкѣ ввели его въ круги рабочаго движенія этихъ странъ. «Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, замѣчаетъ мимоходомъ Де-Манъ, я присутствовалъ на болѣе чѣмъ двухстахъ международныхъ рабочихъ сѣздахъ, то въ качествѣ делегата, то въ качествѣ переводчика». Что же удивительнаго, если этотъ подлинный европеецъ международнаго рабочаго движенія обнаруживаетъ также еще и поразительную осведомленность въ американскихъ и русскихъ дѣлахъ!

При этомъ — а можетъ быть

*) Срв. I. Zur Psychologie des Sozialismus. Изд. 1926. 2-ое перераб. изданіе 1927. Стр. 400 (есть франц. и англ. изданія). — II. Die Intellektuellen und der Sozialismus. 1926. Стр. 38. — III. Der Kampf um die Arbeitsfreude. 1927. Стр. 289. — IV. Antwort an Kautsky. 1927. Стр. 24. — Всѣ работы изданы Е. Diederichs-омъ, Лена.

именно потому — Де-Манъ — типичный интеллигентъ. Онъ не только прекрасно знакомъ съ литературой, искусствомъ и духовными движеніями посѣщенныхъ имъ странъ, но и обладаетъ въ высшей степени тѣмъ своеобразнымъ даромъ социальной совѣсти, въ силу котораго вся его посвященная рабочему движенію жизнь есть для него прежде всего служеніе дѣлу справедливости и человѣчества. Не случайно считаетъ онъ «Записки революціонера» Кропоткина «лучшей социалистической книгой». И если самъ онъ, даже работая у станка, оставался всегда типичнымъ интеллигентомъ постольку, поскольку повседневную свою работу онъ умѣлъ всегда счастливымъ образомъ сдѣлать источникомъ расширенія и обогащенія своей личности, онъ все же никогда не переставалъ помнить, что «этимъ своимъ счастьемъ онъ обязанъ работѣ именно этихъ миллионъ людей, безъ которой онъ не вышелъ бы изъ полуживотнаго существованія, изъ вѣчной гнетущей заботы о холодѣ, голодѣ и другихъ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ матеріальнаго бытія». Поэтому социализмъ оставался для Де-Манъ всегда — даже въ пору его наибольшаго увлеченія марксизмомъ — вопросомъ совѣсти, а не знанія, вопросомъ справедливости, а не власти. На самомъ стилѣ его сочиненій сохранился этотъ этический отпечатокъ. Не только въ критикѣ марксизма, но и въ изложеніи положительной стороны своего мировоззрѣнія мысль Де-Манъ движется болѣе въ плоскости знанія. Сплошь и рядомъ из-

ложеніе его принимаетъ даже «форму прямого исповѣданія вѣры», личной исповѣди, сохраняя, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ всю свою научную цѣнность — благодаря богатству выраженнаго въ ней опыта и логической отточенности формулировки.

Сюда приводить еще одно немаловажное обстоятельство. Какъ всякая исповѣдь, и исповѣдь Де-Манъ имѣетъ предметомъ своимъ глубоко пережитый внутреннихъ духовный кризисъ, продуктомъ котораго она является. Несмотря на весь свой личный характеръ, кризисъ этотъ есть отраженіе болѣе общаго духовнаго кризиса внутри современнаго рабочаго движенія, стоявшаго на континентѣ Европы почти съ самаго своего зарожденія подъ знакомъ марксизма. Начавшійся уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, кризисъ этотъ послѣ войны достигъ своего наивысшаго напряженія. Самъ Де-Манъ сводитъ его къ двумъ рядамъ явленій: съ одной стороны, ростъ рабочаго движенія, неуклонное усиленіе удѣльнаго вѣса рабочаго класса въ современномъ обществѣ, влечетъ за сѣбою все большее и большее приспособленіе его къ окружающей средѣ, къ жизненному стилю буржуазной культуры, въ силу чего «фактическое культурное состояніе пролетарскихъ массъ во все большей степени можетъ быть охарактеризовано какъ усвоеніе ими мѣщанской суррогатной культуры». Параллельно съ этимъ «культурнымъ обмѣщиваніемъ» рабочаго класса, заставлявшимъ интеллигентовъ типа Де-Манъ переживать «часы самаго остраго отчаянія», идетъ процессъ внутренняго пе-

рождения рабочего движения во всех трех главных его линиях — политической, профессиональной и кооперативной. Рабочее движение во все большей степени обнаруживает тенденцию быть поглощенным государством, организационная мощь его из средств становится все больше и больше самоцелью, что выражается между прочим в угрожающем росте внутри рабочего движения новой бюрократии. Все это означает замбну старых мотивов рабочего движения новыми, узкие интересы текущего дня оттѣсняють на задній планъ еще недавно преобладавшие внутри движения идеалистические мотивы. Между тѣмъ этой новой повседневности противопоставить по прежнему все та же старая неподвижная марксистская догма: исполненная прежнего эсхатологического духа, отрицающая чисто современный общественный строй и даже всю современную «буржуазную» культуру, догма эта впадает во все большее противорѣчье съ дѣйствительностью. Уже ревизионизмъ, бывший первымъ симптомомъ этого противорѣчья, пытался приспособить марксистскую теорію къ новымъ обстоятельствамъ, но онъ ограничился тѣмъ, что, вынеся социалистическій идеалъ въ т. наз. «программу-максимумъ» и удаливши его въ неопредѣленное будущее, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на «программѣ-минимумѣ», на конкретныхъ средствахъ движения, забывъ просто ради реального «пути» о послѣднихъ цѣляхъ. Но вотъ русскій коммунизмъ вновь оживилъ марксистскій идеалъ со всей присущей

ему эсхатологіей, пожертвовавъ на этотъ разъ въ пользу послѣднихъ цѣлей демократическими средствами, которыя стали какъ бы второй душой западно-европейскаго рабочего движения, отказавшись отъ нихъ въ пользу революціонныхъ средствъ борьбы, единственно соответствующимъ, по его мнѣнію, революціонной сущности социалистическаго идеала. Тѣмъ самымъ противорѣчье между цѣлями и средствами, теоріей и дѣйствительностью, идеаломъ и практикой стало особенно невыносимымъ. Цѣпляться за старую теорію и за старый идеалъ при новыхъ обстоятельствахъ, — это значитъ еще болѣе усиливать «капиталистическую душу» рабочего движения, тотъ процессъ «обмѣщиванія» рабочего класса и поглощенія его капиталистическимъ окруженіемъ, которое питается какъ разъ возрастающимъ расхожденіемъ между реально практикуемыми средствами движения и чисто воображаемымъ, утратившимъ всякое практическое значеніе идеаломъ. Сознаніе того, что средства и цѣль взаимно обуславливаютъ другъ друга, что, какъ это еще утверждалъ Лассаль, «цѣль должна быть проведена и осуществлена уже въ самомъ средствѣ», — является рѣшающимъ пунктомъ въ новомъ пониманіи социализма Ле-Маномъ. «Раньше были цѣли, но не было средствъ»; нынѣ въ распоряженіи нашемъ больше средствъ, но мы растеряли цѣли». Чтобы утвердить свою самостоятельность какъ противъ коммунизма, съ одной стороны, такъ и противъ капиталистическаго окруженія, съ дру-

той, социалистическое рабочее движение должно по новому осознать свои послѣднія цѣли. Ибо различіе въ средствахъ означаетъ необходимо также и различіе въ самой цѣли. Это единственный путь отграниченія социализма отъ коммунизма. Иначе говоря: социализмъ долженъ пересмотрѣть не только свою тактику, средства борьбы, какъ это сдѣлалъ въ свое время ревизионизмъ. Онъ долженъ пересмотрѣть самый свой идеалъ, по новому формулировать свои послѣднія цѣли. А это возможно только съ помощью новой теоріи, а значитъ и новаго метода.

Менѣе всего однако хочетъ Де-Манъ поставить на мѣсто старой догмы новую. «Лучше проблема чѣмъ программа», говоритъ онъ, ибо въ социальномъ воззрѣніи его «нѣтъ состояній, а есть только движенія». Прежде всего необходимо разъ навсегда кончить со старыми иллюзіями, представляющими сейчасъ только бесполезный балластъ внутри социалистическаго движенія. Самая главная изъ этихъ иллюзій это идея революціи: совершенно выѣтрившаяся извнутри, превратившаяся въ пустую абстракцію, она является внутри сѣвременнаго рабочаго социалистическаго движенія главнымъ препятствіемъ къ сохраненію въ немъ подлиннаго революціоннаго духа. Теорія, баллазирующая трупъ революціоннаго утопизма видимостью жизни, есть марксизмъ, и потому основная задача социализма, сейчасъ заключается въ томъ, чтобы преодолѣть марксизмъ, и при томъ преодолѣть не ту или иную его отдѣль-

ную теорію, а «самый марксистскій способъ мышленія». Такимъ образомъ приходитъ Де-Манъ къ своему положенію, что «всякій прогрессъ социалистической теоріи за предѣлы Маркса возможенъ нынѣ только въ сознательномъ противорѣчьи къ марксизму». И самая борьба съ марксизмомъ есть «не столько борьба за пересмотръ отдѣльныхъ оканенныхъ ученій, — сколько борьба за обновленіе омертвѣвшаго волевого импульса, каковая борьба требуетъ совершенно новаго духовнаго подхода». Неудивительно, что этотъ новый подходъ означаетъ для Де-Мана, бывшаго до войны однимъ изъ самыхъ выдающихся марксистовъ, «пересдѣлку всѣхъ цѣнностей».

Бывшіе марксисты въ настоящее время не рѣзкость. Ихъ можно встрѣтить нынче во всѣхъ партіяхъ и на самыхъ неожиданныхъ постахъ. И видѣть въ Де-Манѣ просто разочарованнаго марксиста, сводящаго счеты съ предметомъ былого своего увлеченія, значило бы совершенно не понять ни духа ни значенія его послѣднихъ работъ. Самая рѣзкость, съ которой онъ противопоставляетъ свое новое общественное воззрѣніе и самый подходъ свой къ дѣйствительности марксизма, ничего общаго не имѣетъ съ обычной для всякаго перебѣжчика запальчивостью въ отстаиваніи своей новой точки зрѣнія. Приписывать Де-Ману такого рода чувства, какъ это дѣлаетъ Каутскій, такъ же смѣшно, какъ обвинять его въ незнаніи марксизма, послѣ того какъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ выставлялся лучшимъ

знатокомъ марксистской теоріи. Ибо Де-Манъ менѣе всего перелбѣжчикъ, почему ему и чуждо какое бы то ни было стремленіе показать, что онъ и раньше въ сущности говорилъ то же самое. Напротивъ, Де-Манъ всегда готовъ признать свои собственные ошибки и свою вину. Все — симптомы не только подлинной искренности, внутренней правдивости, но и настоящего мужества въ томъ смыслѣ, какъ его еще въ свое время опредѣлялъ Платонъ. Вѣдь подлинно мужественнѣе не тотъ, кто неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ бою, но тотъ, кто сохраняетъ вѣрность послѣдней цѣли борьбы. А для того, чтобы въ совершенно измѣнившейся средѣ остаться вѣрнымъ самому себѣ, сплошь и рядомъ необходимо рѣшиться на отказъ отъ прежняго мѣста, отъ прежней внѣшней оболочки, въ томъ числѣ и отъ прежней теоріи, всегда являющейся чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ послѣднему волевому устремленію личности. Своеобразіе Де-Мана какъ критика марксизма, то, чѣмъ онъ отличается отъ столь многихъ другихъ бывшихъ марксистовъ, заключается именно въ томъ, что, пройдя черезъ внутренній кризисъ, онъ въ самой перемѣнѣ своихъ теоретическихъ взглядовъ остался вѣренъ послѣднему волевому устремленію своей личности и, значитъ, самому себѣ. Каждый непредубѣжденный читатель его работъ вынесетъ это впечатленіе. И сейчасъ, отказавшись отъ столь многихъ иллюзій, Де-Манъ остался вѣренъ данной имъ себѣ когда то «анибаловой клятвѣ».

Все тѣ же чувства симпатіи, удивленія, восторга привязываютъ его какъ и тогда къ судьбѣ и дѣлу рабочаго класса. И какъ ни рѣзка подчасъ его критика рабочаго движенія, въ особенности нѣмецкаго рабочаго движенія, чувствуется, что критика эта есть критика человѣка, навсегда связавшаго судьбу свою съ дѣломъ борьбы рабочаго класса за свое освобожденіе. — Правда, въ міровоззрѣніи Де-Мана отвлеченный образъ пролетарія, какъ избраннаго носителя новой будущей культуры, совершенно вытѣснился реальнымъ опытомъ живыхъ рабочихъ, какъ конкретныхъ людей, имѣющихъ, какъ и всѣ люди, свои хорошія и дурныя качества. Но за тѣмъ онъ научился также видѣть въ пролетаріи не «простое толькѣ орудіе отвлеченной идеи», но конкретнаго человѣка, являющагося цѣлью въ себѣ, притязающаго на собственные радость и страданіе. Поэтому Де-Манъ усматриваетъ собственную практическую задачу современнаго социалистическаго движенія въ томъ, «что уже сейчасъ, при нынѣшнихъ данныхъ условіяхъ и съ нынѣшними данными людьми можетъ быть сдѣлано съ цѣлью облегченія наибольшаго тяжкихъ страданій и несправедливостей». Эту перемѣну въ самомъ подходѣ къ вопросу можно было бы обозначить какъ обращеніе отъ дальняго къ ближнему, какъ побѣду любви къ ближнему надъ любовью къ дальнему. Вполнѣ уместно самъ Де-Манъ цитируетъ слова Достоевскаго: «въ отвлеченной любви къ человечеству почти всегда любятъ только себя самого». Въ противоположность абстрактному, безъ-

радостному и жестокому оптимизму, свойственному всякой утопии, видящей въ конкретных людяхъ только материалъ для «унавоженія будущей гармоніи», Де-Манъ исходитъ изъ признанія «неискоренимости зла въ мірѣ». Но это отнюдь не колеблетъ его вѣры во внутреннюю мощь добра какъ такового. Напротивъ, его «скептицизмъ» и его «резиньяція» только укрѣпляютъ его вѣру въ разумный смыслъ историческаго развитія». И самую задачу социализма онъ усматриваетъ въ «увеличеніи радости среди людей». Даже чисто внешне — въ архитектоникѣ и въ стилѣ сочиненій Де-Мана — проявляется этотъ поворотъ отъ абстрактнаго къ конкретному, отъ дальняго къ ближнему. Не случайно оба главныхъ труда его озаглавлены имъ «Психологія социализма» и «Борьба за радость въ трудѣ». И вполне послѣдовательно онъ поставилъ себѣ въ своихъ сочиненіяхъ за правило — «копираться на пережитое, а не только на прочитанное».

2.

Взятая въ частности, критика Маркса Де-Маломъ въ значительной степени не нова. Что развитіе капитализма пошло инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который былъ предугазанъ ему марксистской теоріей, — обстоятельство это неоднократно уже было отмѣчено раньше, и даже большинство марксистовъ уже признали этотъ фактъ. Де-Манъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ это противорѣчіе между теоріей и дѣйствительностью: «вмѣсто обнищанія

развитіе капитализма привело къ росту удѣльнаго вѣса рабочаго класса въ обществѣ, вмѣсто катастрофальнаго обостренія борьбы противъ буржуазнаго государства оно привело къ взаимному приспособленію и взаимопроникновенію, вмѣсто роста космополитизма мы имѣемъ ростъ національнаго чувства, вмѣсто порождаемой хозяйственной катастрофой революціи мы наблюдаемъ возрастающую связанность конкретныхъ дѣлей профессиональнаго движенія повышеніемъ продуктивности производства и благосостоянія». Всѣ эти опровергаемыя дѣйствительностью ученія марксизма кульминируютъ въ теоріи прибавочной цѣнности, скрытыя предпосылки которой могутъ быть сведены къ слѣдующимъ гипотезамъ, «на коихъ покоится и съ коими вмѣстѣ падаетъ все зданіе марксистскій теоріи: 1) корыстный интересъ есть единственный мотивъ (хозяйственной) дѣятельности какъ предпринимателей такъ и рабочихъ; 2) всякій трудъ измѣримъ количественно и равноцѣненъ; 3) единственный трудъ, создающій цѣнность въ капиталистическомъ предпріятіи, есть трудъ рабочаго; 4) заработная плата односторонне определяется предпринимателемъ». Такъ какъ всѣ предпосылки эти находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью, то и покоящаяся на нихъ теорія прибавочной цѣнности не можетъ быть ничѣмъ болѣе защищена. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, пожалуй, попытка Каутскаго опровергнуть аргументацію Де-Мана (срв. «Die Ge-

sellschaft», 1927, 1). Сводясь всецѣло къ мелочамъ, имѣющимъ цѣлью подѣлать Де-Мана въ неправильномъ пониманіи имъ текста Марксовыхъ сочиненій, и игнорируя совершенно самое существо проблемы, она свидѣлствуетъ только о томъ, что марксизмъ не въ состояніи сейчасъ выставить какихъ-либо новыхъ аргументовъ въ пользу теоріи прибавочной цѣнности. Исходя отъ теоріи прибавочной цѣнности, легко понять также основную ошибку теоріи классовой борьбы. Для марксизма пролетарій въ процессѣ капиталистическаго хозяйства есть не что иное какъ «продавецъ рабочей силы», и самый классъ опредѣляется имъ какъ единство одинаковыхъ корыстныхъ интересовъ. Понятіе класса есть такимъ образомъ чисто отвлеченная экономическая категорія и это ведетъ не только къ игнорированію марксизмомъ реальной структуры современнаго общества (напр., своеобразнаго характера интеллигенціи какъ особаго класса), такъ же какъ и столь существенной дифференціи внутри этого рабочаго класса, но и къ игнорированію тѣхъ конкретныхъ волевыхъ мотивовъ, которые сплачиваютъ рабочихъ въ одно единое солидарное цѣлое вопреки раздѣляющимъ ихъ на различныя группы различнымъ интересамъ. Доволя критику Де-Мана до конца, можно было бы сказать, что для марксизма понятіе пролетаріата есть не что иное какъ метафизическій принципъ отрицанія капиталистическаго хозяйственнаго строя «Пролетаріатъ» охватываетъ не эмпирическую массу уже сейчасъ въ дѣйстви-

тельности существующихъ рабочихъ, которые въ лучшемъ случаѣ являются еще только «несознательными пролетаріями», но только рабочихъ будущаго, тѣхъ рабочихъ, которыхъ процессъ катастрофическаго развитія производственныхъ отношеній необходимо долженъ будетъ съ теченіемъ времени превратить въ подлинныхъ пролетаріевъ и которыхъ марксистски мыслящая партія должна еще только привести къ «классовому сознанию», безъ чего рабочій не есть настоящій пролетарій. Ярче всего, пожалуй, эта отвлеченная сущность марксистскаго понятія класса проявляется въ томъ курьезномъ извращеніи понятія пролетаріата, для котораго пролетаріатъ охватываетъ, съ одной стороны, только «сознательный авангардъ пролетаріата» (т. е. членовъ коммунистической партіи), а, съ другой стороны, включаетъ въ себя наряду съ рабочими также и «бѣднѣйшихъ крестьянъ». Обстоятельство это вскрываетъ еще болѣе глубокое противорѣчіе внутри марксизма: утверждая, что образованное имъ понятіе класса есть чисто эмпирическое бытійственное понятіе казуальнаго порядка, онъ на самомъ дѣлѣ вынужденъ понимать подъ классомъ единство волевого устремленія, т. е. категорію телеологическаго порядка, или порядка дѣятельности. Существенно однако то, что это волевое устремленіе, скрытымъ образомъ опредѣляющее теоретическія построения марксизма, носитъ чисто отрицательный характеръ, имѣетъ своимъ предметомъ голое отрицаніе существующаго строя, и лишено какихъ бы то ни было творче-

скихъ, или созидательныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ противорѣе между теоріей и дѣйствительностью разоблачается какъ противорѣе внутри самой теоріи, а именно какъ противорѣе между механистически - рационалистическимъ фасадомъ отвлеченнаго теоретическаго построения и конкретнымъ волевымъ содержаниемъ, которое порождается опредѣленнымъ эмоциональнымъ комплексомъ и для котораго теорія и догма служатъ только наиболѣе пригодными орудіями для достиженія желаемой цѣли. Очень удачно вскрываетъ Де-Манъ механистическіе и рационалистическіе элементы внутри марксистской догмы, общіе кстати у марксизма съ буржуазной классической политической экономіей, хотя и въ этомъ пунктѣ опять таки критикъ его не представляетъ собою чеголыбо оригинальнаго. Взглядъ на человѣка какъ на homo oeconomicus'a, толкаемаго въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ исключительно пріобрѣтательскимъ мотивомъ, пониманіе образующихъ общество связей какъ чисто каузальныхъ, въ которыхъ «причина» порождаетъ свое «дѣйствіе» по образцу механическаго толчка, реализмъ понятій, представляющій на мѣсто фактовъ опыта гипостазированныя въ метафизическія сущности и другъ изъ друга дедуцируемыя понятія, историческій фатализмъ, понимающій исторію какъ однозначно опредѣляемую и точно предвидимую неотвратимость слѣдованія, — всѣ эти характерныя черты марксистской догмы неоднократно уже отмѣчались ранѣе. Однако, у Де-

Мана къ этой критикѣ присоединяется нѣчто новое, выставляющее ее въ новомъ свѣтѣ. А именно, очень искусно Де-Манъ показываетъ, какъ весь этотъ рационалистическій механизмъ теоретическаго построения есть для марксизма не что иное, какъ орудіе волевого устремления, направленного на отрицаніе существующаго строя. Такъ, напр., фаталистическая вѣра въ неотвратимость историческихъ законовъ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ психологической функціей, имѣющей своей цѣлью «укрѣпленіе волевого порыва посредствомъ внушенія и увѣренности въ будущемъ», почему она и есть въ гораздо большей степени «замаскированная религія», чѣмъ научно доказанное положеніе. Къ сожалѣнію, въ этомъ своемъ анализѣ реального содержанія марксизма Де-Манъ ограничивается преимущественно психологической стороной вопроса. Въ своей философской критикѣ онъ не идетъ до конца, и читатель тщетно ждетъ доказательства того, почему именно рационалистическій механизмъ теоретическаго построения оказался для марксизма наиболѣе пригоднымъ орудіемъ его на голое отрицаніе направленного волевого устремленія*). Какъ разъ въ этомъ пунктѣ Де-Манъ могъ бы многому научиться у Гегеля, если бы односторонне интуитивистическое направленіе его мышленія не склонило его видѣть въ Ге-

*) Я пытался представить таксе доказательство въ своихъ статьяхъ «о правовомъ социализмѣ». Срв., въ особенности статью въ № XXVII и XXVIII «Совр. Зап.»

гелъ только отвлеченнаго «логистическаго идеалиста».

Впрочемъ психологическій анализъ въ рукахъ Де-Мана оказалъ вполне достаточнымъ для обоснованія того, что самъ Де-Манъ называетъ «релятивированіемъ марксизма» и что представляетъ собою, пожалуй, наиболее цѣнный итогъ его критики марксизма. Какъ въ философскомъ смыслѣ марксизмъ коренится въ способѣ мышленія середины 19 вѣка, такъ и въ психологическомъ отношеніи онъ относится къ «начальной стадіи социализма, когда ссыла на классовый интересъ была наиболее дѣйствительнымъ средствомъ объединенія рабочихъ массъ». Этотъ агитаторскій, направленный на простое отрицаніе существующаго строя характеръ марксизма былъ исторически обусловленъ специфическими обстоятельствами развитія капитализма въ серединѣ 19 столѣтія, когда роль рабочаго въ процессѣ производства дѣйствительно ограничивалась только «продажей имъ своей рабочей силы» и когда, казалось, онъ превращается дѣйствительно въ простой только «придатокъ къ машинѣ». Нынѣ съ примѣненіемъ роли рабочаго въ процессѣ производства марксизмъ уже не соответствуетъ дѣйствительности. Только въ коммунистической Россіи, гдѣ рабочее движеніе находится еще въ своей зачаточной стадіи, сохраняется еще то «жаркое дыханіе ненависти», которое составляетъ психологическій эмоциональный комплексъ марксизма и обусловливаетъ чисто отрицательный характеръ его умонастроенія. Поэтому, говорить Де-Манъ, «вульгарный коммуни-

стическій марксизмъ есть истинный правопреемникъ марксизма послѣдія». Напротивъ, въ Германіи «расхожденіе между марксистскою фразеологіей и реальной дѣятельностью любой рабочей организаціи, не ставящей своей цѣлью во что бы то ни стало раздуваніе гражданской войны», давно уже повлекло за собою внутреннюю неправдивость», превращающуюся иногда въ прямое лицемеріе и составляющую трагедію «независимаго» социализма и т. наз. «благороднаго марксизма» вообще. Ибо «противъ кроваваднаго марксизма коммунистовъ жвачный марксизмъ социалистовъ оказывается всегда безсильнымъ». Если современный социализмъ дѣйствительно хочетъ утвердить себя какъ положительное, творческое и созидательное движеніе, то онъ долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отграничить себя отъ коммунизма, живущаго однимъ только духомъ отрицанія, и при томъ отграничить себя отъ него не только тактически, но и принципиально, въ самыхъ основахъ своей теоріи и своего идеала. За стадіей простого возмущенія необходимо слѣдуетъ стадію утвержденія дѣйствительности, въ которой первоначальное отрицаніе сохраняется еще только какъ моментъ объемлющаго его творческаго утвержденія міра. Но соответствующая этой новой стадіи новая теорія социализма не можетъ быть получена въ результатѣ простой ревизіи марксизма. Ибо отрицаніе есть самое существо марксизма — какъ въ экономическомъ отношеніи (начальная стадія классовой борьбы), такъ и въ психологическомъ («жаркое

дыханіе ненависти») и въ теоретическомъ (раціоналистическій механизмъ). Поэтому рѣчь сейчасъ идетъ въ сущности уже даже не объ опроверженіи марксизма. Съ марксизмомъ «случилось худшее: онъ просто болѣе насъ не интересуетъ». Онъ относится сейчасъ уже только «къ исторіи социалистическаго движенія, которой одной лишь частью онъ является». «И то, что въ немъ окончательно должно быть преодолено, это его претензія быть единственной, истинной и вѣчной формой социализма и социальной науки». Такимъ образомъ, въ противоположность самому марксизму, предпринятая Де-Маномъ попытка «релятивизированія марксизма» или «включенія его въ болѣе объемлющую новую теорію» есть отнюдь не полное отрицаніе марксизма, но вмѣстѣ и отрицаніе его и утвержденіе.

3.

Для характеристики того, какъ въ современномъ социализмѣ первоначальное отрицаніе постепенно перегибается въ утвержденіе, мы остановимся здѣсь подробнѣе на нѣсколькихъ пунктахъ Де-Мановскаго пониманія социализма, въ особенности пригодныхъ къ тому, чтобы освѣтить основные элементы его ученія. Если социализмъ не есть только простое испроверженіе существующаго общественнаго строя, а, напротивъ, органически вырастаетъ изъ существующаго порядка, то въ такомъ случаѣ дѣло повидимому не столько въ послѣдней цѣли, сколько въ средствахъ, которыми уже сейчасъ, въ настоящемъ, пользуется рабочее движеніе въ процессѣ

осуществленія своихъ цѣлей. «Цѣли живутъ всегда только въ нашихъ текущихъ дѣйствіяхъ, какъ они осуществляются въ настоящемъ; ихъ будущее существо есть иллюзія, ихъ настоящее существо есть дѣйствительность». Ни въ чемъ такъ остро не обнаруживается внутреннее противорѣчіе марксизма, какъ въ расхожденіи между средствами и цѣлями. То самое государство, которое мыслится въ идеалѣ упраздненнымъ, на практикѣ все болѣе и болѣе используется рабочей партией какъ положительное средство осуществленія идеала. Параллельно съ признаніемъ положительной цѣнности государства идетъ также признаніе права и даже хозяйства, хотя въ идеальномъ строѣ, являющемся послѣдней цѣлью социализма, хозяйство, какъ его мыслить марксизмъ, будетъ лишено всѣхъ основныхъ элементовъ исторически извѣстныхъ формъ хозяйства (рынокъ, деньги, отношенія собственности, противорѣчіе интересовъ, дифференціація факторовъ производства и т. п.) и восприметъ отъ нынѣшняго хозяйства отчасти только производственную технику, съ которой и совпадетъ совершенно. Между тѣмъ практика современнаго профессиональнаго и кооперативнаго рабочаго движенія во все болѣе степени влечетъ за собою участіе рабочихъ организацій въ современномъ хозяйствѣ, нынѣшнія формы котораго признаются тѣмъ самымъ положительными средствами для достиженія отвергающаго ихъ идеала. Но если цѣль (социализмъ) должна осуществляться повседневно въ средствахъ (государство и хозяйство)

и вырастать из них органически, то социализм должен сдѣлать изъ этого возстановленія идеи государства (политическая демократія) и идеи хозяйства (хозяйственная демократія профессиональнаго и рабочаго движенія) соответствующіе выводы въ отношеніи самой «цѣли». Это означаетъ въ существенной мѣрѣ возвращеніе отъ Маркса назадъ къ Лассалю, съ одной стороны, и къ Прудону, съ другой. Социализмъ долженъ и въ отношеніи «послѣдняго будущаго» признать государство и хозяйство, т. е. долженъ самый идеалъ свой понять какъ преобразование и усовершеніе современнаго демократическаго государства и нынѣшняго рыночнаго и денежнаго хозяйства. Де-Манъ не боится сдѣлать этихъ выводовъ: всякая реформа, направленная на укрѣпленіе демократическаго государства, всякое повышеніе производительности хозяйства, всякое конкретное улучшеніе условий производства имѣютъ для него самостоятельную, а не только посредствующую, инструментальную цѣнность.

Это нисхожденіе внизъ отъ цѣли къ средствамъ, отъ будущаго къ настоящему означаетъ вмѣстѣ и восхожденіе вверхъ отъ классово-вой борьбы къ борьбѣ за право личности вообще, отъ идеала особой «пролетарской культуры» ко всеобщему человѣческому идеалу. Собственно даже уже для марксизма цѣнность отдѣльнаго класса и его право на господство въ обществѣ заключались въ томъ, что онъ «въ послѣднемъ счетѣ» есть нѣчто большее, чѣмъ только классъ, но «представляетъ» собою все общество въ цѣломъ.

Въ силу присущаго ему механистическаго способа мышленія марксизмъ не въ силахъ былъ мыслить это совпаденіе частнаго классоваго интереса пролетаріата со всеобщимъ интересомъ человѣчества въ цѣломъ иначе какъ въ количественной формѣ, въ видѣ предстоящаго въ будущемъ количественнаго расширенія класса до подавляющаго большинства внутри общества (догма пролетаризаціи). Чѣмъ дальше однако послѣдняя цѣль удалялась въ неопредѣленное будущее, тѣмъ больше классовая борьба изъ средства становилась самоцѣлью, — все равно, въ революціонной ли своей формѣ, какъ гражданская война, или въ оппортунистической формѣ какъ «торгашеская политика» профессиональныхъ союзовъ. Но если будущее не должно болѣе быть отдѣлено отъ настоящаго катастрофой, все равно, мыслится ли послѣдняя въ видѣ близкой гражданской войны (коммунизмъ) или просто забывается, будучи отодвинута въ неопредѣленную даль (ревізіонизмъ), если, напротивъ, будущее должно органически пронизывать настоящее, тогда совпаденіе класса съ обществомъ не можетъ болѣе мыслиться количественно и механистически: классовая борьба должна уже **сейчасъ** расширяться до борьбы за право всего общества въ цѣломъ, она должна **органически** и **качественно** переродиться въ борьбу за право человѣческой личности. Не проводя явно этого философскаго обоснованія новаго пониманія классовой борьбы, Де-Манъ вплотную подходитъ къ вытекающимъ изъ него практическимъ выводамъ. Класс-

совая борьба и профессиональная организация не являются самоцелью, говорит он неоднократно. Въ томъ именно какъ разъ и сослониъ идеологическая слабость германскаго профессиональнаго движенія и ревизионизма, что они все еще не видятъ въ классовой борьбѣ ничего, кромѣ простой борьбы за интересы отдѣльнаго класса и не въ силахъ явно понять ее какъ борьбу за права челоуѣка. Марксизмъ ошибается, мысля чувство солидарности рабочихъ, какъ класса, какъ продуктъ чисто механической причинности, какъ результатъ сознания рабочими одинаковости своихъ корыстныхъ интересовъ или какъ результатъ сознания ими одинаковости ихъ функций въ процессѣ производства, вызываемой техническимъ раздѣленіемъ труда на фабрикѣ. «Солидарность въ смыслѣ общаго классоваго интереса возникаетъ въ собраніи, а не у станка на фабрикѣ, и она укрѣпляется черезъ сознание общности социальна - этической цѣли, черезъ новое правовое чувство. «Цѣль борьбы есть созданіе новаго правового отношенія», «договора», въ основѣ котораго лежатъ «нѣкія этическія и правовыя положенія», «относительно которыхъ предполагается, что они общи обѣимъ сторонамъ и даже всему народу». Социализмъ долженъ наконецъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ есть нѣчто большее, чѣмъ классова борьба въ смыслѣ представительства корыстныхъ интересовъ пролетаріата, что онъ есть нѣчто большее, чѣмъ партійно - политическое, профессиональное и кооперативное движеніе рабочаго класса, что

онъ носитъ «общечеловѣчскій» характеръ. Онъ долженъ «сознательно расширить свою цѣль, понять ее не какъ классовой реваншъ, а какъ дѣло челоуѣчества», и въ этомъ, хотя и только въ этомъ смыслѣ, вернуться къ традиціи утопическаго социализма, выведившаго социализмъ изъ общечеловѣческаго, гуманитарнаго идеала. Договаривая мысль Де-Мана до конца, можно сказать: социализмъ означаетъ борьбу съ чисто классовой точкой зрѣнія, онъ борется противъ того умаленія и искаженія, которому подвергаются въ современномъ обществѣ государство, хозяйство и вся культура въ цѣломъ, используемыя отдѣльными классами какъ орудія классоваго господства. И въ данномъ случаѣ отмѣна классоваго господства должна быть понята не какъ послѣдняя цѣль классовой борьбы пролетаріата, отдѣленная отъ текущей практики рабочаго движенія гранью революціонной катастрофы, но какъ проницающее эту повседневную борьбу начало, а это значитъ, что классова борьба рабочаго класса должна уже сейчасъ, въ настоящее время осознать себя какъ борьбу **противъ** классовой точки зрѣнія, какъ борьбу противъ использования государства, права и хозяйства въ пользу интересовъ того или иного класса, какъ борьба за поставленіе общечеловѣчскихъ интересовъ надъ узкими интересами отдѣльныхъ классовъ.

Отсюда становится понятной также и критика Де-Маномъ понятія т. наз. «пролетарской культуры». «Оба понятія пролетаріатъ и культура взаимно исключаютъ другъ друга», говоритъ онъ, ибо

«культура как совокупность общих форм жизни и творчества есть принадлежность эпохи, а не класса». Как не быть пролетарской физики, так не быть пролетарской этики. Задача заключается не в том, чтобы создать какую-то особую, новую пролетарскую культуру, а в том, чтобы приобщить к культурѣ пролетаріа, который до сих пор был исключенъ отъ нея. Если это и поведетъ къ обновленію культуры, то лишь в мѣру того, какъ самъ пролетаріи перестанетъ оставаться пролетаріемъ и воспитается до чловѣка. Если пока что этотъ путь приобщенія пролетаріата къ культурѣ ведетъ черезъ стадію «обмѣщанія рабочаго класса», усваивающаго себѣ изъ совокупности всей современной культуры только «мѣщанскіе суррогаты культуры», то вина за это лежитъ въ значительной степени на самомъ социалистическомъ рабочемъ движеніи, до сих пор не обращающемъ должнаго вниманія на серьезную образовательную работу среди рабочихъ и слишкомъ часто жертвовавшимъ ею въ пользу политической пропаганды, бравирующей своимъ отрицаніемъ «буржуазной» культуры. Эта образовательная дѣятельность среди рабочихъ, чтобы имѣть культурно-обновляющее значеніе, должна «руководствоваться особыми образовательными потребностями отдельныхъ группъ рабочихъ, выросающими изъ ихъ классоваго положенія и изъ ихъ классовыхъ устремленій», она должна «сознательно связать себя съ дѣлами политическаго, профессиональнаго и кооперативнаго рабочаго движенія» и въ первую

очередь она должна быть руководима самими рабочими организациями. Въдѣ и общее требуемое Де-Маномъ расширение классовой борьбы до борьбы за общечеловѣческое право огнюдь не означаетъ отказа отъ политической профессиональной и кооперативной самоорганизации рабочаго класса. Подобно тому, какъ эта послѣдняя, отправляясь отъ особыхъ цѣлей, выросающихъ изъ конкретнаго положенія рабочаго класса въ современномъ обществѣ, должна уже сейчасъ, въ текущей политикѣ настоящаго дня, умѣть сочетать ихъ съ общими цѣлями всего народа въ цѣломъ, точно такъ же и образовательная дѣятельность среди рабочаго класса должна сдѣлать особые образовательныя потребности рабочихъ исходнымъ пунктомъ для общечеловѣческаго образованія. Но для этого социализмъ долженъ преодолѣть свое отрицаніе исторически сложившейся культуры, онъ долженъ напротивъ ощутить себя ея наслѣдникомъ. Поэтому, согласно Де-Ману, корни социализма «тождественны съ корнями всей нашей западной культуры». Взятая въ этой исторической перспективѣ, христіанство, демократія, социализмъ обнаруживаются какъ три формы одной и той же идеи. Какой неиссякаемый источникъ духовной энергіи открывается социализму, осознавшему это единство! Его идеаль и его цѣли приобретаютъ смыслъ не только отъ политической экономіи девятнадцатаго столѣтія, но отъ двадцати столѣтій исторіи чловѣчества. Всѣ отдѣльные этапы этой исторіи — Нагорная проповѣдь, такъ же какъ и Декларация

правъ человѣка и Коммунистическій манифестъ, средневѣковая Коммуна, такъ же какъ и гуманизмъ, реформація, войны за національное освобожденіе, образованіе мірового рынка, современное рабочее движеніе — все это съ этой точки зрѣнія суть лишь этапы единого великаго развитія, стремящагося къ одной великой цѣли; всякое отдѣльное дѣйствіе, приближающее насъ къ этой цѣли, объединяетъ насъ съ совокупнымъ стремленіемъ человѣческаго рода.

Понятно теперь, почему Де-Манъ называетъ свой социализмъ «интеллигентскимъ». Не потому, чтобы онъ хотѣлъ укоренить социализмъ въ особомъ классовомъ движеніи интеллигенціи, хотя онъ и считаетъ, что если бы «интеллигенція въ нѣсколько большей степени прониклась чувствомъ классовой гордости», то это пошло бы только на пользу дѣлу социализма. Также и «не въ томъ смыслѣ, чтобы интеллигентскій социализмъ былъ полнымъ, истиннымъ социализмомъ; ибо послѣдній, будучи вѣчной общечеловѣческой идеей, пребываетъ выше какой-бы то ни было классовой принадлежности, укорененной во временныхъ условіяхъ современного капиталистическаго строя». Де-Манъ называетъ свой социализмъ интеллигентскимъ потому, что характеръ интеллигентскаго труда, обуславливающий единство волевого социальнаго устремленія интеллигенціи какъ особаго слоя внутри современнаго общества, болѣе всего соотвѣтствуетъ основной идеѣ социализма. Ибо подъ «интеллигенціей» Де-Манъ разумѣетъ отнюдь не «чиновничій прочетарі-

ать», а тотъ социальный слой, который выполняетъ въ современномъ обществѣ функцію творческаго труда и «руководится въ своей работѣ въ первую очередь мотивомъ цѣлесообразной организаціи, качества производства, служенія общественному цѣлomu». Соотвѣтственно этому и истинное содержаніе социализма заключается въ «вытѣсненіи корыстной цѣли въ хозяйствѣ цѣлью служенія, въ превращеніи производства въ служеніе общественному цѣлomu, имѣющее цѣлью своей удовлетвореніе потребностей общества, а не полученіе прибыли». «Ибо идея социализма порождена не тѣлесной нуждой физическаго работника, а душевной нуждой умственнаго работника». Поэтому англійскій гильдейскій социализмъ и представляется Де-Ману «наиболѣе современной и наиболѣе продуманной формой интеллигентскаго социализма». Если все же свою собственную точку зрѣнія Де-Манъ предпочитаетъ называть «неофабианизмомъ», то дѣлаетъ онъ это очевидно потому, что англійскій фабианизмъ въ гораздо большей степени чувствовалъ себя наслѣдникомъ демократически - либеральной идеи и гораздо тѣснѣе былъ связанъ съ конкретными нуждами рабочаго движенія, чѣмъ романтически настроенный и тяготящийся къ «новому Средневѣковью» гильдейскій социализмъ.

4.

Ибо интеллигентскому социализму Де-Мана менѣе всего можно поставить въ упрекъ, что онъ игнорируетъ конкретныя нужды ра-

бочаго класса или даже стремится «вызвать раскол между рабочими и интеллигенцией» (Каутский, *Die Gesellschaft*, 1927, I, 77). Нпротивив, въ постановкѣ совершенно новыхъ проблемъ, непосредственно касающихся конкретной жизни рабочихъ, заключается какъ разъ самая оригинальная и плодотворная сторона новаго пониманія социализма Де-Маномъ. Его книга о «радости въ трудѣ» есть образцовый опытъ проникновения въ нынѣ еще совершенно невоздѣланную область науки о трудѣ. Де-Манъ исходитъ изъ предпосылки, что проблема эксплуатаціи есть проблема освобожденія рабочаго, и при томъ не освобожденія его отъ труда, а освобожденія его въ трудѣ. Основное зло капиталистическаго способа производства заключается не столько въ отрывѣ производителей отъ орудій производства, сколько въ отрывѣ производителей отъ производства, рабочаго отъ труда. Соціальнйй вопросъ заключается собственно въ томъ, «какъ можетъ человекъ найти счастье не черезъ посредство труда, а также въ самомъ трудѣ». Если до сихъ поръ «вся проблема труда заключалась въ возможномъ сокращеніи рабочаго времени и интенсивности работы», то сейчасъ проблема состоитъ въ томъ, «какъ замѣнить старый разрушенный мотивъ труда новымъ живымъ мотивомъ». Ибо и социалистическое общество необходимо будетъ покониться на трудѣ, и при томъ на трудѣ, производительность котораго должна будетъ значительно превосходить нынѣшнюю производительность. Но если социалистическое общест-

во органически вырастаетъ изъ настоящаго, то кардинальный вопросъ всего социализма заключается въ томъ, какимъ образомъ возможно повысить радость въ трудѣ и тѣмъ самымъ производительность труда рабочаго, и при томъ не въ будущемъ, а уже сейчасъ, въ настоящемъ, въ современной мастерской и фабрикѣ.

Де-Манъ приступаетъ къ рѣшенію этой проблемы съ помощью психологическаго метода, пользуясь при этомъ въ первую очередь матеріаломъ, полученнымъ имъ въ результатъ специальной анкеты, проведенной имъ среди группы промышленныхъ рабочихъ, бывшихъ его слушателями и слушательницами во Франкфуртской Академіи Труда въ теченіе 1925-26 года. Къ сожалѣнію я не могу здѣсь входить въ разсмотрѣніе методологической стороны этого съ большимъ искусствомъ проведеннаго изслѣдованія. Точно также я долженъ оставить въ сторонѣ въ высшей степени поучительный аутентичный матеріалъ автобиографическихъ записей рабочихъ, приводимый Де-Маномъ, дающій интереснѣйшую картину реального положенія рабочихъ въ современномъ промышленномъ предпріятіи. Въ настоящей статьѣ мнѣ придется ограничиться только краткимъ изложеніемъ итоговъ Де-Мановскаго изслѣдованія.

Самъ авторъ изображаетъ эти итоги въ приводимой имъ «схемѣ положительныхъ и отрицательныхъ элементовъ, взаимодействующихъ которыхъ обуславливаетъ отношеніе рабочаго къ его работѣ». Мотивъ радости въ трудѣ есть сложный мотивъ, и онъ можетъ быть разложенъ на слѣдующіе

элементы: I. Элементарно-инстинктивные мотивы: 1) инстинкт деятельности, 2) инстинкт игры, 3) инстинкт творчества, 4) инстинкт знания, 5) инстинкт значимости (самоутверждения себя в окружающей социальной среде), 6) инстинкт владения, 7) инстинкт борьбы — II. Попутно благоприятствующие мотивы: 1) стадный инстинкт, 2) стремление к господству и стремление к подчинению, 3) эстетическое удовлетворение, 4) соображения личной выгоды, 5) соображения социальной пользы. — III. Чувство социального долга. — Этим положительным элементам противопоставляются следующие обстоятельства, препятствующие радости в труде: I. Препятствия, вызываемые технической стороной работы: 1) частичная работа вследствие крайнего разделения труда, 2) монотонность работы вследствие: а) однообразия движений в работѣ, б) сокращения инициативы, в) сокращения внимания, г) гипнотизирующего ритмизирования, 3) утомление, 4) неблагоприятная техническая обстановка. II. Препятствия социального порядка, вызываемые обстановкой работы у станка: 1) недовольство условиями труда, 2) несправедливые системы заработной платы, 3) авторитарическая фабричная иерархия. — III. Препятствия социального порядка вообще фабрики или завода: 1) длительная принадлежность к низшему социальному классу, 2) неуверенность в завтрашнем дне, 3) пренебрежительное отношение к физическому труду в окружающей социальной среде. — Замѣчательно, что большинство участников чекеты показали в своихъ запи-

скахъ, что они испытываютъ скорѣе радость чѣмъ недовольство трудомъ въ своей работѣ, — обстоятельство, отчасти объясняемое тѣмъ, что участники анкеты въ большинствѣ своемъ принадлежали къ квалифицированнымъ группамъ рабочихъ (металлисты, типографы, желѣзнодорожники). Основной выводъ, къ которому приходитъ Де-Манъ однако слѣдующій: «Всѣ рабочіе, относящіеся къ категоріи недовольныхъ своимъ трудомъ, характеризуя это свое недовольство своей работой, отмѣчаютъ неперемѣнно также и отдѣльные моменты радости въ трудѣ, какъ бы ни были скудны эти положительные моменты; съ другой стороны, тѣ рабочіе, которые испытываютъ въ общемъ радость въ трудѣ, не упускаютъ случая указать также на препятствующие моменты, вызывающіе чувство недовольства. Такимъ образомъ въ дѣйствительности всегда имѣетъ мѣсто состояніе неустойчиваго равновѣсія, состояніе взаимнаго напряженія между моментами, порождающими радость въ трудѣ и ей препятствующими». Существенно однако при этомъ то, что «въ сущности не существуетъ моментовъ, благоприятствующихъ радости въ трудѣ. Существуютъ только моменты препятствующіе... Всякій работающій инстинктивно стремится къ радости въ трудѣ, какъ каждый человѣкъ стремится къ счастью. Радость въ трудѣ совсѣмъ не нуждается въ «благоприятствованіи»: все дѣло въ томъ, чтобы она не была **ущемляема препятствіями**». Анализъ этихъ моментовъ, препятствующихъ стихійному стремленію человѣка находить радость

въ своемъ трудѣ, и составляетъ главную часть изслѣдованія Де-Мана.

Особенный интересъ при этомъ представляетъ подробный анализъ вопроса о вліяніи механизированія на радость въ трудѣ. Перенятое марксизмомъ у буржуазной политической экономіи воззрѣніе, будто процессъ индустриализаціи въ возрастающей степени низводитъ рабочаго къ простому придатку машины, оказывается для нынѣшняго періода индустриализаціи ложнымъ. «Машина не только деквалифицируетъ рабочаго, но сплосъ и рядомъ также его реквалифицируетъ». Въ цѣломъ рядѣ профессій (напр., типографы, наборщики, металлисты, — а какъ разъ эти профессіи представляютъ нынѣ центральныи типъ современнаго индустриальнаго рабочаго) рабочій изъ простаго придатка машины становится во все большей степени господиномъ ся и мастеромъ. Безусловной деквалификаціей труда была на самомъ дѣлѣ только первоначальная фаза механизированія, заключающаяся въ вытѣсненіи ремесла машиной и достигшая своей высшей точки въ промышленной Европѣ во время голоднаго кризиса 1847-48 года (года рожденія Коммунистическаго манифеста!). Для этой фазы характерно враждебное отношеніе рабочихъ къ машинѣ. Послѣдующая стадія есть уже однако «фаза усовершенствованія машины, во время которой возникаетъ новый видъ радости въ трудѣ, имѣющей своимъ слѣдствіемъ преобладаніе у рабочихъ положительнаго отношенія къ машинѣ». Въ этой второй «нынѣ преобладающей фазѣ» механизированія

ни деквалифицирующія тенденціи убываютъ, тогда какъ реквалифицирующія напротивъ возрастаютъ». Болѣе того. «въ настоящее время реквалификація черезъ машину есть социальное явленіе уже гораздо большаго значенія, чѣмъ деквалификація». — «Только при опредѣленныхъ социальныхъ условияхъ, связанныхъ съ низкой степенью развитія машины, послѣдняя есть врагъ рабочаго. При другихъ социальныхъ условияхъ и на болѣе высокой ступени технического развитія машина становится прямой предпосылкой его социального освобожденія». «Итакъ нѣтъ необходимости призывать къ задержкѣ технического развитія и требовать возврата назадъ, что все равно было бы напраснымъ дѣломъ. Наши лозунги вполне могутъ быть: впередъ по пути технического прогресса!» Такимъ образомъ «механизованная работа» и «работа у машины» суть два понятія, которыя не должны быть смѣшиваемы другъ съ другомъ. Можно даже сказать, что на извѣстной ступени техническаго развитія «монотонная работа машины освобождаетъ обслуживающаго его рабочаго совсемъ или въ большей своей части отъ собственной монотонной работы. Откуда можно сдѣлать видимо парадоксальный выводъ, что лучшей способъ демеханизировать работу — это передать ее машинѣ».

Впрочемъ, несмотря на весь свой «здоровый оптимизмъ», Де-Манъ все же не вѣритъ въ возможность освобожденія рабочаго отъ механизированной работы. Положеніе Рескина, что «голько трудъ можетъ оздоровить мышленіе, и только мышленіе можетъ

осчастливить трудъ; мышление и трудъ не могутъ быть безнаказанно отдѣлены другъ отъ друга», — требованіе это есть, по мнѣнію Де-Мана, плодъ «типично интеллигентскаго возрѣнія», и оно представляется ему для современнаго индустриальнаго производства утопией. Даже для квалифицированнаго рабочаго объединеніе жизненной цѣли съ повседневной работой («эндопонія») отнюдь не представляетъ собою всеобщаго факта. Большая масса рабочихъ ищетъ, а также и въ будущемъ будетъ искать смысла и цѣли своей жизни «естественно внѣ работы» («экзопонія»). Въра романтическаго социализма въ эндопонію средневѣковаго ремесленника въ значительной степени покоится на иллюзии, вызываемой тѣмъ, что массовой человѣкъ нынѣшняго времени сравнивается не со среднимъ же человѣкомъ, а съ выдающимся дѣятелемъ прошлаго времени. Съ другой стороны, нельзя считать, что всѣ люди могутъ испытывать чувство радости въ трудѣ только въ случаѣ «одухотвореннаго труда». Утверждать это значило бы подсовывать всѣмъ людямъ свое интеллигентское ощущеніе. Для многихъ людей даже частичная и монотонная работа, если она искусно рационализирована, вполне хорошо переносима, какъ это утверждаетъ Фордъ относительно большинства своихъ рабочихъ. Болѣе того: «очень большое число рабочихъ видятъ преимущество въ автоматизированной работѣ, испытывая какъ облегченіе освобожденіе отъ долга инициативы и связанныхъ съ нимъ заботы и отвѣтственности», не говоря уже о большомъ числѣ

людей, которые еще въ недавнемъ прошломъ могли быть только объектами пауперистической филантропіи, нынѣ же, работая у движущейся ленты на заводахъ Форда, ведутъ экономически самостоятельное существованіе и находятъ удовлетвореніе въ своей механизированной работѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ механизированной работы поднятіе радости въ трудѣ можетъ въ большой степени достигнуто черезъ устраненіе прочихъ обстоятельствъ, вызывающихъ недовольство работой. Главная проблема при этомъ заключается «въ болѣе рациональномъ социальномъ отборѣ, въ томъ, чтобы поставить надлежащаго человѣка на надлежащее мѣсто или, выражаясь скромнѣе, дать возможность отдѣльному человѣку стать на наименѣе непригодное для него мѣсто. Введеніе болѣе рациональныхъ, болѣе удобныхъ и экономныхъ методовъ труда, прежде всего также рационализация рынка въ смыслѣ преобразования предпринимательскаго хозяйства въ потребительское можетъ въ свою очередь въ очень большой степени содѣйствовать повышенію радости въ трудѣ тѣмъ, что открываетъ вновь возможность сочетать частичную и монотонную работу съ новымъ этическимъ представленіемъ социальной цѣли труда (идея общей пользы). Такимъ образомъ, поскольку основное зло нынѣшней индустриализаціи труда — частичная монотонная работа есть плодъ фактически уже происшедшаго процесса обобществленія хозяйства, то именно дальнѣйшій ростъ этого обобществленія болѣе всего способенъ лишить его его жала

Наконец, устранение неблагоприятных технических условий вышней обстановки труда и в особенности образовательная деятельность среди рабочих, направленная на более разумное использование ими свободного времени, могут в свою очередь в очень большой степени содействовать повышению радости в трудѣ у тѣх рабочих, которые вынуждены зарабатывать свей хлѣбъ механизированнымъ фабричнымъ трудомъ.

Изъ прочихъ выводовъ Де-Мановскаго изслѣдованія мы приведемъ здѣсь только нѣсколько наиболѣе существенныхъ. «Записи рабочихъ показываютъ, что, если отвѣчаться отъ оборонительной борьбы за сохраненіе восьмичасоваго рабочаго дня, стремленіе рабочихъ къ большому досугу проявляется въ настоящее время болѣе въ направленіи увеличенія личнаго отпуска (и пожалуй также недѣльнаго по образцу англійскаго week-end), чѣмъ въ направленіи дальнѣйшаго сокращенія ежедневнаго рабочаго времени». Чрезвычайно интересны также соображенія Де-Мана по вопросу объ аккордной заработной платѣ. Безспорно, очень значительная часть рабочихъ настроена противъ аккордной заработной платы, раздѣляя первоначальное пролетарское возмущеніе противъ этой системы, въ еще недавнемъ прошломъ вполне обоснованное несправедливымъ использованиемъ предпринимателями въ своихъ корыстныхъ интересахъ и возведенное марксизмомъ въ догму теоріи и практики классовой борьбы. Однако, въ настоящее время, говоритъ Де-Манъ, и повсемѣстно

замѣчается постепенное вытѣсненіе идеала равной временной оплаты труда идеаломъ дифференцированной оплаты соответственно качеству и продуктивности труда». Параллельно съ ростомъ рабочаго движенія происходитъ и поворотъ отъ тенденцій, направленной на нивелированіе заработной платы, къ тенденціи, направленной на дифференцированіе», и при томъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше практика тарифныхъ договоровъ и въ особенности установленіе справедливой минимальной заработной платы очищаютъ аккордную систему отъ ея конкретныхъ недостатковъ.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній съ достаточной ясностью видно, что для Де-Мана проблема радости въ трудѣ есть нѣчто значительно большее, чѣмъ простой только предметъ психологическаго изслѣдованія. Проблема эта, которую онъ въ своей книгѣ изслѣдуетъ только въ отношеніи современнаго индустриальнаго рабочаго, совпадаетъ для него въ существенномъ съ проблемой «эксплоатаціи». Только сводя феноменъ эксплоатаціи метафизически къ прибавочной цѣнности, можно еще вѣрить въ то, что эксплоатація можетъ быть упразднена сразу чисто механическимъ образомъ, путемъ «овладѣнія средствами производства». Въ конкретной дѣйствительности напротивъ эксплоатація есть сложный комплексъ чрезвычайно разнообразныхъ явленій, и она можетъ быть упразднена лишь постепенно упорной повседневной работой профессиональныхъ, кооперативныхъ и образовательныхъ рабочихъ организаций, направленной

на созданіе новыхъ длительныхъ учреждений. Учрежденія эти о-ч-нюдь не только временныя средства для превращенія рабочаго класса въ «сознательный пролетаріатъ», предназначенныя исчезнуть послѣ побѣдоносной соціальной революціи, но ячеики новаго строя, ростъ и укрѣпленіе которыхъ и составляетъ процессъ органическаго выростанія социализма изъ нынѣшняго общественнаго порядка. Въ созданіи этихъ учреждений и заключается подлинный, истинный смыслъ классовой борьбы. И борьба эта въ существенномъ совпадаетъ какъ съ борьбой за радость въ трудѣ, такъ и съ «борьбой за челоуѣческое достоинство и соціальную справедливость». Теперь понятно, почему Де-Манъ называетъ свой социализмъ психологическимъ: «подобно тому какъ хозяйственная форма, какъ экономическая категорія стояла въ центрѣ старой теоріи, точно такъ же средоточіемъ новой теоріи долженъ стать конкретный челоуѣкъ какъ одушевленное существо». Поэтому также Де-Манъ разсматриваетъ не только препятствія, вызываемыя технической строной работы, но также и тѣ отрицательныя моменты соціального порядка, препятствующіе испытывать радость въ трудѣ, которыя вызываються обтяпковкой работы у станка или даже общими соціальными условіями внѣ фабрики или завода, охватывая всегo челоуѣка въ цѣломъ. «Соціализація» въ смыслѣ механической перемѣны субъекта собственности (замѣны единоличнаго собственника коллективнымъ) менѣе всего способна упразднить эти отрицательныя моменты соціального порядка.

Записи рабочихъ показываютъ, что «какъ разъ въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ публичнымъ лицамъ (городамъ, государству) и не имѣющихъ цѣлью своей выколичиваніе прибыли, ненависть противъ начальства особенно сильна — вслѣдствіе свойственной такого рода предпріятіямъ бюрократизаціи ихъ и милитаризаціи, сообщающей всей системѣ администраціи особенно деспотической характеръ». Только преобразованіе заводской іерархіи въ направленіи «хозяйственной демократіи» можетъ на дѣлѣ устранить эту одчу изъ самыхъ главныхъ причинъ недовольства трудомъ, составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ феномена «эксплоатаціи». Впрочемъ моментъ этотъ находится въ тѣсной связи съ моментами общаго соціального порядка, на трехъ изъ которыхъ Де-Манъ останавливается болѣе подробно: 1) длительная принадлежность къ немущему классу, 2) пренебрежительное отношеніе общества къ физическому труду, 3) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. То обстоятельство, что оба первыя условія менѣе всего даютъ себя чувствовать въ Соед. Штатахъ Америки, чѣмъ и объясняется столь незначительная соціальная агрессивность американскаго рабочаго, показывающъ, что упраздненіе ихъ можетъ быть достигнуто лишь на пути дальнѣйшаго укрѣпленія и расширенія демократіи какъ въ области государства, такъ и въ области школы и соціальныхъ установленій и обычаевъ, а отнюдь не путемъ т. наз. «диктатуры пролетаріата», которая, какъ о томъ свидѣтельствуютъ

еть опыт коммунистической России, есть на дѣлѣ не что иное, какъ неограниченное господство партійной олигархіи.

5.

Де-Манъ самъ называетъ основную позицію своего ученія объ обществѣ волюнтаристической, плюралистической и институціонной. Въ самомъ дѣлѣ установка его волюнтаристична постольку, поскольку Де-Манъ исходитъ не изъ познанія нѣкоей неоправданной неизбѣжности (Mussel), а изъ осуществляемаго свободной человѣческой волей должествованія (Sollen). Отказываясь отъ вырисовыванія неподвижной, разъ на всегда готовой картины идеальнаго будущаго строя, онъ удовлетворяется тѣмъ, что намѣчаетъ направленіе движенія, получающееся въ результатѣ отнесенія конкретной дѣятельности современнаго общества къ требующемуся преобразованію. «Превращеніе такимъ образомъ социалистическіе идеалы въ социалистическіе мотивы», новая теорія оправдываетъ себя въ мѣру того, какъ она осуществляется въ дѣйствительности. Понять смыслъ есть то же самое, что осуществлять смыслъ въ дѣйствительности. Съ другой стороны, новая теорія плюралистична, ибо она отказывается отъ признанія какой-то одной послѣдней метафизической причины социального зла, а исходитъ изъ многообразія конкретныхъ явленій, въ которыхъ социальное зло обнаруживается какъ реальный фактъ дѣйствительности и устраняетъ которая въ отдѣльности со-

ставляетъ собственную задачу социализма. Наконецъ, «институціонна» установка Де-Мана «въ томъ смыслѣ, что она усматриваетъ характерную черту вызываемыхъ социалистическимъ движеніемъ культурныхъ переменъ въ созданіи имъ ряда новыхъ установленій, или **учрежденій**». Въ этомъ отношеніи она означаетъ возвращеніе назадъ къ точкѣ зрѣнія Прудона, объявленной Марсомъ въ свое время «мелкобуржуазной». Какъ для Прудона такъ и для Де-Мана революція есть не что иное какъ «итогъ повседнежнаго развитія социальныхъ учреждений, вызываемыхъ къ жизни самоорганизационной дѣятельностью рабочаго класса по преимуществу въ сферы политической власти». Уже на этомъ основаніи Де-Ману не представляется возможнымъ втиснуть смыслъ социализма въ какую-то одну универсальную, всеустройющую формулу механическаго типа, вроде «обобществленіе средствъ производства». Формула эта уже потому должна быть окончательно отброшена, что перемена субъекта собственности сама по себѣ ни въ малѣйшей мѣрѣ не содѣйствуетъ разрѣшенію конкретной проблемы эксплуатаціи, какъ и обратно: разрѣшеніе этой послѣдней проблемы совсѣмъ не требуетъ всегда перемены субъекта собственности. Истинное, органическое обобществленіе продуктивной собственности отнюдь не означаетъ «отрѣшенія индивида отъ собственности на средства производства». Напротивъ, «инвалиды (въ томъ числѣ и огдѣльный рабочій) въ существѣ желаютъ **болѣе** собственности, по крайней мѣрѣ въ

смыслъ большаго права распоряженія». Ибо «чувство владѣнія, переносимое человѣкомъ на вещи, которыя онъ используетъ для потребленія или какъ орудія труда или которыя онъ самъ создалъ, — это чувство владѣнія и покоящееся на немъ притязаніе на собственность отнюдь не есть проклятый продуктъ безнравственнаго общественнаго строя, но есть неоскоренимое предположеніе всякой общественной нравственности. Частная душа обусловливаетъ этотъ родъ частной собственности, и способъ производства, исчисляющійся съ этимъ кардинальнымъ фактомъ, заранее обреченъ на неуспѣхъ». Цѣль социализма заключается поэтому не столько въ томъ, чтобы отмѣнить частную собственность, сколько въ томъ, чтобы вернуть ей ея истинный, нынѣ въ существѣ ея утраченный смыслъ.

Какимъ путемъ пойдетъ это реальное органическое обобщеніе собственности, къ какому институціонному преобразованію права собственности оно поведетъ, — объ этомъ Де-Манъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, хотя онъ самъ неоднократно замѣчаетъ, что дальнѣйшее развитіе хозяйственной демократіи должно повлечь за собою установленіе новаго правового состоянія. Можно только предполагать, что по мнѣнію Де-Мана это преобразованіе права собственности будетъ и должно протекать не въ видѣ замѣны нынѣшнихъ формъ собственности одной новой универсальной формой собственности, а въ видѣ внутренняго преобразованія **разнообразныхъ** формъ собственности въ одномъ опредѣленномъ направле-

ніи, которое въ самыхъ общихъ чертахъ можно означить съ помощью понятія функции. Впрочемъ философско - правовая проблематика социализма чужда Де-Ману, почему онъ оставляетъ также совершенно въ сторонѣ и вопросъ о той новой формѣ государства, которая должна органически вырасти изъ современнаго парламентарнаго государственнаго строя въ результатѣ дальнѣйшаго развитія и углубленія въ немъ начала демократіи. Здѣсь мы наталкиваемся на границу Де-Мана какъ теоретика социализма. Не въ томъ смыслѣ, чтобы его теорія или его общая точка зрѣнія исключала постановку такого рода философско - правовыхъ проблемъ. Напротивъ, и для самого Де-Мана социализмъ есть не только психологическая проблема, но также и проблема права, и при томъ проблема новаго правового состоянія, новой правовой идеи, а не только новаго правового чувства. Де-Манъ вполне сознаетъ, что устраненіе тѣхъ отрицательныхъ элементовъ социальнаго порядка, вызывающихъ недовольство трудомъ, о которыхъ шла рѣчь выше, необходимо предполагаетъ органическое преобразование правовыхъ формъ какъ государственнаго строя, такъ и порядка собственности. И если философско - правовая проблематика социализма все же не интересуетъ Де-Мана, то не интересуетъ она его въ совсѣмъ другомъ смыслѣ и въ силу совсѣмъ другихъ причинъ, чѣмъ тѣ, въ силу которыхъ его пересталъ интересовать марксизмъ.

Причины эти, мнѣ кажется, лежатъ главнымъ образомъ въ об-

щемъ философскомъ воззрѣніи Де-Мана. Мировоззрѣніе его можно болѣе или менѣе точно обозначить какъ психологистически окрашенный интуитивизмъ. Съ одной стороны, Де-Манъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ психоаналитической теоріи главнымъ образомъ въ той формѣ, которую придалъ ей Альфредъ Адлеръ; съ другой стороны онъ находится подъ вліяніемъ Бергсона, котораго онъ впрочемъ повидимому знаетъ лишь отчасти. Правда, Де-Манъ самъ чувствуетъ границы психоаналитического метода и невозможность возвести психоанализъ въ основу философскаго мировоззрѣнія. Такъ между прочимъ онъ замѣчаетъ вполне антипсихологически, что психологія не можетъ обосновывать этики, и что при оцѣнкѣ какого-либо поступка слѣдуетъ имѣть въ виду не породившій его мотивъ, а его нравственную цѣнность. Онъ идетъ еще далѣе, признавая, что развитіе психоанализа, исходившаго изъ взгляда на человѣка какъ на чисто животное существо, въ концѣ концовъ привело психоанализъ къ открытію въ человѣкѣ божественнаго начала. Очень правильно онъ говоритъ: «есть нѣчто потрясающее душу и возвышающее въ томъ обстоятельствѣ, въ, какъ всякій разъ, когда мы признаемъ въ душу человѣка достаточно глубоко, все равно, въ какомъ бы направленіи мы ни углублялись въ нее, даже когда мы ищемъ въ ней однихъ только зѣринныхъ началъ, — мы въ концѣ концовъ всегда находимъ въ ней божественное». «Какое блестящее подтвержденіе прежнихъ интуитивныхъ предчувствій и вмѣстѣ

съ тѣмъ какое драгоценное свидѣтельство глубины его собственнаго метода содержится въ томъ фактѣ, что психоанализъ не можетъ уже сейчасъ повторить словъ Лаланда о Богѣ: «я не нуждаюсь въ этой гипотезѣ!», — но напротивъ долженъ сказать: «нѣтъ ничего болѣе реальнаго въ человѣкѣ какъ божественная сила нравственнаго закона! Это безспорно такъ. Но безспорно также, что эта «реальнѣйшая реальность» нравственнаго закона не есть простая психологическая данность, но что она принадлежитъ къ понятию божественному міру идеальныхъ сущностей, которыя однако совсѣмъ не должны быть непременно мыслимы какъ «субстанции» съ помощью «недѣльныхъ и жесткихъ понятій». Между тѣмъ при изслѣдованіи философско-правовой проблематики социализма нѣтъ какъ разъ никакого иного пути, кромѣ того, который исходитъ изъ этого именно идеальнаго міра, лежащаго въ основѣ всякаго конкретнаго права и всякой конкретной морали. Чувствуя это, Де-Манъ однако слишкомъ плѣтенъ своей психологіей, чтобы быть въ состояніи самому пойти по этому пути. Его психоаналитическія привычки заводятъ его подчасъ такъ далеко, что онъ не видитъ «ничего иного», кромѣ какъ только «грандіозную систему компенсирующихъ представлений» въ томъ, что онъ самъ хотѣлъ бы положить какъ вѣчную истину въ основу своего социализма. Но если христіанство дѣйствительно есть истинное основаніе социализма, какъ всеобщаго нравственнаго идеала человечества, то оно есть именно нѣчто со-

всѣмъ иное, чѣмъ простое «сублимированіе» животныхъ инстинктовъ. Впрочемъ, дѣло здѣсь, пожалуй, не въ одномъ только психологизмѣ. Ограниченность Де-Мановскаго міровоззрѣнія коренится глубже. Онъ самъ не колеблется назвать свое міровоззрѣніе **вѣрой**. Но есть ли это дѣйствительно вѣра, или Де-Манъ и въ томъ является типичнымъ интеллигентомъ своего времени, что вѣра его есть болѣе жажда вѣры, даже воля къ вѣрѣ, но не подлинная самая вѣра, и не изъ этого ли безсилія вѣры проистекаетъ и его враждебность къ разуму и его тяготѣніе къ иррационализму?

Такимъ образомъ то самое, что составляетъ сильную сторону Де-Мана, что привело его къ открытію новой и плодотворной проблематики (радости въ трудѣ), — это самое именно парадоксальнымъ образомъ составляетъ и его границу. «Психологическій социализмъ» Де-Мана поистинѣ есть открытіе. Социализмъ долженъ стать психологическимъ, какъ онъ, впрочемъ, необходимо долженъ также остаться «экономическимъ». Но социализмъ долженъ быть также понятъ и разработанъ какъ проблема права. Для того же, чтобы въ этой своей многоликости оставаться все же однимъ и тѣмъ же социализмомъ, онъ долженъ быть ни экономическимъ, ни психологическимъ, ни правовымъ, а философскимъ. Только на этомъ пути философскаго обоснованія вся многосложная проблематика социализма сможетъ быть сведена въ одно цѣлое и укоренена въ единствѣ міровоззрѣнія, — и что нужно въ послѣднемъ сейчасъ особенно остро чувствуется, это по-

казываетъ самъ Де-Манъ въ своей превосходной характеристикѣ младосоціалистическаго движенія. Чтобы понять себя самого и «вѣкъ, психологизмъ» долженъ сдѣлаться философскимъ, такъ же какъ въ лицѣ Канта къ философіи пришелъ и «вѣкъ естествознанія».

Интуитивизмъ безсиленъ разрѣшить эту задачу. Способъ, которымъ пользуется имъ Де-Манъ, лишній разъ подтверждаетъ его недостаточность. Страницы его книги, на которыхъ онъ пытается изложить своего рода гносеологию, суть единственныя слабыя страницы его сочиненій. Онъ не выходить здѣсь за предѣлы туманнаго витализма, съ одной стороны мысля всѣ матеріальные процессы по образцу фиктивной «механической реакціи», сверхмеханической характеръ которой не соответствуетъ уже даже болѣе началамъ современной механики, а съ другой стороны сваливая всѣ биологическіе, психологическіе, историческіе и даже эстетическіе процессы въ одну кучу «психической реакціи», свойства которой определяются имъ черезъ простое ограниченіе свойствъ «реакціи механической». Тѣмъ самымъ Де-Манъ не только впадаетъ въ рядъ противорѣчій, но и впадаетъ въ ту самую ошибку «жесткаго метода пограничныхъ понятій», въ которой онъ справедливо усматриваетъ основной порокъ марксизма мышленія и вслѣдствіе которой Марксъ не въ силахъ былъ мыслить **другое** иначе какъ черезъ простое отвлеченное **отрицаніе даннаго**. Истинный плюрализмъ, если онъ не желаетъ оставаться только моднымъ лозунгомъ, но дѣйствительно стремится понять

многосложное строение мира во всей его дифференцированности и во всем своеобразии его отдѣльных сферъ, не можетъ удовлетвориться простой «интуиціей» (опредѣляемой Де-Маномъ какъ «воспріятіе на основѣ подсознательнаго чувства») и «инроекціей» (по Де-Ману — «вчувствованіемъ»). Онъ не можетъ отказаться отъ «понятій» и отъ «мышления», которое даже и въ томъ случаѣ, когда оно «логично» и «раціонально», отнюдь не совпадаетъ, вопреки утверженію Де-Мана, съ языкомъ и грамматикой. Какой-то «комплексъ боязни» чувствуется позади отрицательнаго отношенія Де-Мана ко всякой философіи, пользующейся понятіями, и ко всякой діалектикѣ, и не трудно отгадать, что лежащее въ основѣ его отвращеніе къ Гегелевской діалектикѣ имѣетъ своимъ источникомъ отталкиваніе отъ

Маркса, проникающее собою все умонастроеніе Де-Мана. Этотъ «комплексъ боязни» до того силенъ, что Де-Манъ утрачиваетъ даже присущую ему изысканность вкуса, предпочитая Гегелевской діалектикѣ гуманный ирраціонализмъ... Кейзерлинга! Однако Гегель былъ истиннымъ зрителемъ божественнаго въ мірѣ, и драгоценное сокровище своей интуиціи онъ умѣлъ вобрать въ свою діалектику въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это думаетъ Де-Манъ. Если у Маркса эта діалектика выродилась въ пустую механическую схему, то причина тому коренилась не въ самой діалектикѣ а въ томъ духѣ отрицанія и просвѣтительскаго высокомерія, въ «жаркомъ дыханіи» котораго не могло не отмереть все великое и положительное Гегелевской интуиціи.

С. І. Гессенъ.

Безпризорная Русь

...«Всѣ насъ боятся. Эхъ, и жисть наша. Завели бы ужъ лучше куда нибудь, да разстрѣляли изъ пушекъ, чѣмъ такъ даромъ съ нами морочиться».

Разговоръ съ безпризорнымъ изъ дѣтскаго дома въ Харьковѣ («Коммунистъ», 27 января 1926 г.).

I.

Кто не читалъ въ совѣтской прессѣ замѣтокъ, фельетоновъ, сценокъ изъ жизни безпризорныхъ, — особаго народца, живущаго въ порахъ совѣтскаго строя? Навѣрное читали всѣ. Лично я не только читала, но и наблюдала

кошмарное развитіе этого явленія въ періодъ пятилѣтней жизни въ Россіи послѣ Октября. И не только наблюдала. Въмѣстѣ съ другими «старыми общественниками» пыталась бороться съ нимъ учрежденіемъ Лиги Спасенія Дѣтей, организациі, возникшей по инициативѣ покойнаго В. Г. Королен-